

**ДМИТРИЙ
БУЗЬКО**

КЛЮЧЕВОЙ МОМЕНТ

Дмитрий Бузько
Ключевой момент

«Издательские решения»

Бузько Д.

Ключевой момент / Д. Бузько — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748171-1

Первое, что хочется выделить во время чтения — книга очень правдиво раскрывает особенности внутреннего очищающего путешествия автора, потрясающе честно раскрывает особенности путешествия до самого ключевого момента, переосмысление которого изменили всю дальнейшую жизнь Дмитрия. А второе — благодаря аутентичности в передаче мыслей, совершенно исчезает расстояние между читателем и сюжетом, его развитием. Людмила Черненко, тренер НЛП международной категории, коуч, гипнотерапевт.

ISBN 978-5-44-748171-1

© Бузько Д.
© Издательские решения

Содержание

Ключевой момент	6
Я. Утро	7
Мальш. Одиночество	8
Я. Время	10
Мальш. Детский сад. Дорога	11
Я. Дети	13
Мальш. Спать	14
Я. Вечера	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ключевой момент

Дмитрий Бузько

© Дмитрий Бузько, 2016

© Яна Смирнова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-8171-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключевой момент

Эта книга и о тебе тоже. О том, как можно сделать своё давно минувшее детство счастливым, даже если воспоминания говорят об обратном. О твоих достижениях и данных тобой обещаниях. О том, кого ты забыл и зачем тебе нужно обязательно вспомнить. О том, как быть счастливее в каждом моменте твоей замечательной жизни. О тебе...

Я. Утро

Мысль появилась и погасла, как вспыхнувшая в ночи спичка, безжалостно задуваемая сильным ветром. И ни прикурить, ни новую взять. Нет больше спичек. Нет больше мыслей. Только туман и неясные очертания того места, куда мне обязательно надо пойти. Обязательно. Это важно. Предельно важно. Я знал это. Я хотел попасть в это волшебное для меня место. Но тягучая реальность не пускала меня туда, куда я хотел. Оскалившись злорадной ухмылкой, она держала меня на привязи моих движений, вязких и медленных, как в густом киселе. И не шёл я даже, а вроде как плыл в этой смутной, расплывающейся чернильным пятном в воде, реальности. Отчаянно двигал руками и ногами, но продвигался медленно, слишком медленно! Уже понимая, что вновь не успею добр, обречённо-уставшим телом и сдавленными рыданиями встретил очередное пробуждение. И только одно слово, назойливо звенящее где-то на краю сознания, заставило открыть глаза и воткнуться близоруким взглядом в серую стылую рань. «Дойду». Колоколом в голове. А после – всё тише и тише, опускаясь ниже по телу и из звука превращаясь в чувство безысходной злобной уверенности. «Дойду!» Знать бы только, куда...

Малыш. Одиночество

Малыш сидел в сумерках и смотрел на окно. Комната в доме отдыха была маленькой. Около стен стояли две панцирные кровати с железными решетчатыми спинками. Можно было залезть на одну из них и заняться чем-нибудь или уснуть. Но спать не хотелось. Игрушка, которую оставили папа с мамой, уходя, уже не радовала. И малыш сидел возле стены на корточках, устроившись так, чтобы видеть и окно, и входную дверь. Он ждал, когда они придут.

Когда?

Они ушли. Сказали – ненадолго. Мама была такая радостная, что-то говорила про танцы. Тот, которого надо было называть «папа», много смеялся. А когда мама спросила его, не взять ли малыша с собой, сказал: «Мы ненадолго, пусть привыкает. Надо воспитывать храбрость». Мама подошла к малышу, присела, посмотрела в глаза чуть тревожным взглядом и пообещала, что придёт «через пол-часика». Дала игрушку. И они ушли.

Вначале было хорошо. Один, никто не мешает играть. Малыш вдохновенно, так, как умеют только дети, фантазировал. Игрушка превращалась то в ракету, то в пистолет, то в волшебный предмет. Но потом малыш устал. И ему захотелось, чтобы «пол-часика» уже поскорей прошли и мама пришла к нему. Но никого не было.

Малыш подходил к окну, поднимался на цыпочки и, пока хватало сил стоять, смотрел на дорожку, по которой – он видел – они ушли. Понимал, что по ней они должны вернуться. Должны... Не может мама бросить надолго. Они придут. Скоро...

Там, за окном, где-то за кустами и деревьями, играла музыка. Одна мелодия сменяла другую. И никто не ходил за окном. Только куст с какими-то белыми цветочками покачивал ветками, да фонарь стоял на пересечении дорожек.

Малыш отошёл к стене и присел. Где-то внутри нарастала тревога. Он не знал, сколько это – «пол-часика». Он терпеливо ждал.

За окном стемнело. Куст стал похож на что-то страшное, машущее многочисленными лапами. Пришёл страх. Фонарь засветился тускло-жёлтым мерцающим светом, но страх не ушёл. Свет жёлтой лампы наискосок попал в комнату, угловатым пятном улёгшись на полу, но тени в углах грозили неведомыми опасностями. Малыш боялся подойти к стене, боялся этих теней. Он уселся в пятне света лицом к двери и ждал, ждал, ждал.

Потом пришло одиночество. Малыш вдруг почувствовал, что он один. Совсем один. И никто не поможет ему, если тени из углов всё-таки выползут и нападут на него. Ему стало жалко себя. И больно. Малыш подумал, что его бросили. Он не знал, за что. Может, он недостаточно послушный? Или недостаточно умный. Мама слушает «папу». Папа ругается, когда малыш веселится или шумит и усаживает его за книги. Заставляет учиться читать и писать. Заставляет учить стихи. И иногда, когда приходят чужие люди, которые называются «гости», малыша ставят на табурет и просят прочесть стихи. Малыш читает громко и «с выражением», как учили. «Гости» почему-то смеются и хлопают в ладоши. Маме и «папе» это нравится. А теперь они ушли. И оставили малыша одного. Нужно быть ещё послушнее. Нужно быть хорошим для родителей, чтобы они его не бросали. А ещё малыш понял, что надо быть сильным. Что он сам должен справиться со страхом. Слабость – это плохо. Это ненужно. Это слабость.

Что-то светлое в этот момент оторвалось и пропало. Навсегда. Или почти навсегда.

Когда пришли родители, малыш расплакался. Он не плакал, пока ждал. Но слёзы сами вырвались на волю, когда зашли мама и папа и включили свет. «Чего ж ты свет на включил? Ты же уже большой.» – укоряли они малыша. А он плакал. Плакал навзрыд. Он сам не понимал, и родителям не мог объяснить, почему. А они так никогда и не узнали, что в этот вечер их малыш познакомился с одиночеством. Что он стал зависим от оценки других людей. И что

с этого дня их малыш на всю жизнь научился бояться надвигающейся ночи. Оно проявится не сразу, это умение. Лет на двадцать ещё хватит сил справляться с этим страхом, но потом...

И ещё... Нужно точно знать, что такое «пол-часика». Всегда нужно знать, где ты во времени.

Я. Время

Окончательно проснувшись, я привычным жестом нажал кнопку наручных «Casio». Приветливый голубоватый свет был единственным ярким пятном среди смутных теней раннего серого утра. Я любил часы. Любил часы, как таковые. Всегда на моей левой руке были какие –нибудь. Механические или электронные – неважно. Мне нужно было быть в потоке времени, понимать, в каком моменте я нахожусь. Не знаю зачем, но зачем-то это было нужно. Зачастую, мне и смотреть-то на них было необязательно. За свои двадцать с небольшим я успел подружиться со временем и оно стало как бы частью меня. И просыпался я за пару минут до будильника. И практически никогда не опаздывал. И с точностью до минуты мог сказать, сколько осталось времени до начала или конца того, что должно было начаться или закончиться. Время было моим постоянным спутником. А часы были его символом. Всегда со мной. Всегда.

Малыш. Детский сад. Дорога

Каждое утро малыша с понедельника по пятницу начиналось одинаково. Рано-рано, когда снится самый сладкий сон, его будили голоса родителей, уже проснувшихся и собирающихся на работу. Отец начинал бодро делать зарядку под музыку, звучащую из висящего на стене радио, энергично дыша и подбадривая себя после каждого упражнения словами: «Хорошо! Хорошо!». Потом он долго жужжал электробритвой «Харьков», затем шумно умывался в ванной. Мама чем-то звенела на кухне. Малыш слышал всё это из зала, в котором спал на раскладном диване, и ему хотелось стать незаметным, потеряться, исчезнуть. Чтоб его не нашли. Чтобы забыли как-нибудь, что ли. Потому что он знал – скоро придётся вставать. И малыш сворачивался в клубочек с головой под одеялом, ловя мгновения сонной расслабленности и согревая вечно мёрзнувшие руки между коленями. Еще немножечко поспать. Чутьочку, ещё капельку.

Но вот кто-то заходил в комнату, и в животе что-то сжималось. Сейчас будут будить. Хорошо, если будила мама. Она подходила и, присев на краешек кровати, очень ласково говорила: «Сы-ыночка, пора встава-ать» и гладила по коротко стриженным волосам. Отец же громким голосом возвещал, что «Хватит спать! Нас ждут великие дела!». И стягивал одеяло. Становилось светло и холодно. Вставать не хотелось, но малыш покорно выбирался из-под тёплого одеяла, поднимался и с полузакрытыми глазами шёл в туалет, потом в ванную. В ванной он открывал кран горячей воды и засовывал под тёплую тугую струю руки. Если о нём забывали на пару минут, он мог так и заснуть опять, облокотившись о край ванной, с руками в горячей воде. Но обычно его подгоняли, и процедура умывания проходила быстро: мокрыми ладошками по глазам, вытерся полотенцем и всё, справился. Затем нужно было надеть рубашечку, колготки и шортики. Колготки были самыми подлыми. Нога в них засовываться не хотела никак, и, когда малышу удавалось поладить с одной ногой, он отдыхал. Иногда родители его так и заставляли – сидящим с наполовину надетыми колготками и о чём-то мечтающим. Отец в таких случаях нервничал, и, быстро, умелыми движениями подобрав гольф до самого носка, надевал ненавистный предмет одежды до конца. Но колготки были действительно подлыми. Часто оказывалось, что они надеты задом наперёд и приходилось всё начинать сначала.

Родители торопились. Район, в котором они получили двухкомнатную квартиру, был новым, транспорт ходил нерегулярно, а оба работали в НИИ в полутора часах езды от дома. Детского сада рядом с домом тоже не было – под него только вырыли котлован, и малыша с большим трудом устроили в садик в двух километрах от дома. Каждое утро малыш с кем-то из родителей проделывал путь от дома до дверей группы. Дорога была знакомой – тропинка, вытоптанная между новостройками. Зимой – заснеженная или обледеневшая, летом – с выгоревшими пучками жесткой травы по краям. Примерно на пол-пути тропинка упиралась в широкую асфальтовую трассу, по которой ездили большие и не очень машины, серьёзные, вечно переполненные, автобусы и смешные рогатые троллейбусы. За дорогой тропинки уже не было – были тротуары, по которым идти было веселее. Отец времени зря не терял – по пути задавал задачки по арифметике и заставлял идти с прямой спиной. А прямо держать спину не хотелось. Хотелось спать. И малыш топал с опущенной головой, глядя на сбитые носки своих сандаликов, догоняя вечно убегающего вперёд отца. Мама просто брала за руку и вела. Малыш доверчиво держался за её пальцы и думал о чём-то своём, перебирая ножками. Всё было привычно и безопасно, пока однажды...

...Мама куда-то опаздывала. Наверное, на работу. Она с кем-то поговорила по телефону – большой чёрной штуке с трубкой, стоявшей на белом холодильнике и, одев малыша, быстро-быстро вышла из дома. По тропинке они почти бежали до самой трассы. Малыш ожидал, что мама, как обычно, крепко держа его за руку, переведёт через дорогу. Но мама очень торопи-

лась. «Видишь, на той стороне стоит бабушка?» – спросила она. Действительно, на противоположной стороне широкой серой трассы стояла бабушка – она жила недалеко и успела приехать после маминого звонка. «Когда я тебе скажу, беги к ней» – сказала мама. Малыш не поверил тому, что услышал: «Один? Через дорогу? Сами же говорили, что на дорогу выходить нельзя – машина задавит!». Но мама уже подвела его к бордюру и ожидала просвета среди едущих машин. В какой-то момент она сказала: «Беги!» и малыш побежал. Добежав до середины, он увидел автобус, едущий справа прямо на него. Большой, оскалившийся металлическим радиатором, с цифрами «39» в мутном окошке над лобовым стеклом. Малыш растерялся. Остановился. Оглянулся на маму. Она ему что-то кричала. Малыш хотел побежать обратно, но там уже ехали машины, и было страшно. Он посмотрел на бабушку. Её лицо было белым-белым под красным в золотых цветах платком. Она тоже что-то кричала, но слов было не разобрать. И малыш просто зажмурился, чтобы не видеть всего вокруг – этих сигнализирующих машин, дорогу, серое застывшее небо. Не видеть этого автобусного оскала. Не видеть этих цифр «39» в автобусном лбу. Не видеть растерянную, мечущуюся по бровке дороги маму. Не видеть белого бабушкиного лица. Не видеть. Ничего не видеть...

Машины посигналили, потом потом остановились. И стало тихо. Подбежала мама, схватила малыша на руки и перенесла на через дорогу. Там она поставила его на землю и начала на него кричать, обвиняя в несамостоятельности и трусости. Бабушка стала кричать на маму. Крик нарастал у малыша в голове, разрывая такой тёплый и спокойный мир на мелкие рваные куски. Он ничего не понимал. Ни того, в чём он виноват, ни того, в чём виновата мама. Ни почему и мама, и бабушка в итоге разревелись, как маленькие, и кинулись его обнимать и целовать. Малышу просто было страшно. Ему сильно-сильно захотелось оказаться под одеялом – с головой, свернувшись калачиком. И чтобы никто не трогал.

И, когда все успокоились, вроде всё было как раньше. Только мир вокруг стал каким-то нечётким. Размытым каким-то. И ещё... В этом мире поселился крик. Неважно, кто кричал. Но с этого дня в те моменты, когда на малыша повышали голос, мир становился более размытым, в горле пересыхало, слова застревали в горле. И хотелось исчезнуть, спастись от этого крика, превращавшего мир в ничто. А спастись от него можно было только исчезнув. Только свернувшись клубочком под одеялом.

Я. Дети

5:30 утра. Перед глазами ещё мелькали обрывки сна. Того сна, который повторялся в последнее время довольно часто и оставлял после себя неприятный железистый привкус под языком. Привкус незавершённости, непонятости и непонятности. Привкус желания сделать что-то. Только бы знать, что... Дойти куда-то. Толь ко бы знать – куда...

Оглянувшись вокруг, увидел белые стены манипуляционной. Я лежу на кушетке в футболке и белых медицинских штанах. Значит, я не дома, а на дежурстве в детском отделении.

Пятый курс мединститута. Как и многие мои сокурсники, пошёл «набивать руку», подрабатывая ночами и по выходным медицинской сестрой. Да, сестрой, как бы это смешно не звучало. Потому что должности «медицинский брат» в реестре профессий на тот момент не было. И не знаю, появилась ли она сейчас. Когда делали запись в трудовой, я повозмутился, а потом успокоился. И бывало приятно, когда кто-нибудь из старших детей, которых я иногда оставлял подежурить на телефоне, пока занимался процедурами, на звонок дежурного врача и просьбу позвать медсестру, важно так отвечал: «У нас не медсестра. У нас медбрат.». И называл меня по имени-отчеству.

Я любил и люблю детей. Они любят меня. Редко когда сидящий напротив меня на руках у мамы или бегающий по коридорам в поликлинике карапуз не остановится и не начнёт улыбаться в ответ на мою улыбку. Дети открыты добру и чувствуют любовь. А я могу детей только любить. Поэтому, когда речь шла о выборе профессии, я особо не сомневался и пошёл на педиатрический. Потому что педиатры – они в подавляющем большинстве такие – любящие. И преданные. Мой однокурсник на вопрос: «Как Вам удалось сохранить чувства, отзывчивость, трепет, уважение к пациенту? У Вас такая сложная профессия в этом смысле.» просто и искренне ответил: «Я вижу в каждом пациенте маленького больного себя, который надеется и верит своему врачу. Как я могу обмануть самого себя?».

Лечить детей. Спасти ребёнка. Малыш должен быть в безопасности.

Малыш. Спать

Очень хочется спать.

Воскресенье, семь тридцать утра. Малыш с мамой идёт по знакомой тропинке к трассе. В руках у мамы смешной закруглённый футляр. В футляре – скрипка. Маленькая. Преподавательница называет её «четвертушка». В начале учебного года Малыша записали в музыкальную школу. Записали, можно сказать, по его желанию. Вернее, по желанию мамы, но она хотела, чтобы он занимался фортепиано. Потому что мама сама закончила музыкалку «по фортепьяно» и хотела того же для сына. Но то ли пальцы у Малыша были коротковаты, то ли другие причины повлияли на решение, и мамина бывшая преподавательница посоветовала пойти на скрипку. Скрипачи в телевизоре Малышу нравились – они так красиво стояли, прижимая подбородком элегантный инструмент, так взмахивали смычком, так легко извлекали звуки! И когда Малыша спросили: «Будешь заниматься скрипкой?» он ответил согласием. Вообще-то, ему не хотелось ни на скрипку, ни на фортепиано, а хотелось после уроков побегать с ребятами во дворе. Но взрослые решили, что «ребёнок должен заниматься музыкой», и пришлось выбирать. Скрипка так скрипка. И теперь у Малыша новое расписание.

С утра – школа. Первый класс. Из необычного – только синяя школьная форма и тяжеленный портфель с учебниками. Учительница чем-то похожа на воспитательницу детского сада. Так же усаживает всех по местам. Ну да, в школе ещё и парты вместо столов. А занятия те же. Учиться Малышу неинтересно. Всё, что проходят на уроках, он уже знает. Как-то проверяли скорость чтения, так после проверки его отвели в пятый класс и попросили прочесть незнакомый текст на время при учениках. Он прочёл, как всегда, быстро и даже «с выражением». Слов за минуту было больше, чем у самого быстрого чтеца старшеклассников. Малышу сказали: «Молодец!», а пятиклассники сидели угрюмые и недовольные. Примеры на уроках по арифметике Малыш решал первым и потом сидел, отвлечённо глядя в окно на стайки воробьёв, перелетающих с веток на землю и обратно. Иногда, засмотревшись, он пропускал очередное задание и тогда получал замечание. Замечание – это плохо. Нужно быть лучшим. Чтобы не кричали. Отец требует только отличных оценок. И Малыш стал отличником. Надолго.

После уроков – домой. Нужно успеть сделать уроки до прихода бабушки. Или дедушки. Они чередовались, отводя его в музыкальную школу в будни, когда родители работали в своих далёких НИИ. Музыкальная школа была далеко – где-то возле больницы, в которой работала бабушка. Пятнадцать минут до остановки, подождать автобус или троллейбус, двадцать минут езды, и ещё пятнадцать минут пешком. Занятие по специальности – 45 минут. Сорок пять длинных минут Малыш водит смычком по струнам, сосредоточенно глядя в ноты. Потом – либо сольфеджио, либо занятия в ансамбле или хоровое пение. Потом – домой, дописывать домашку на чистовик. Понедельник – среда – пятница. Понедельник – среда – пятница.

По вторникам, четвергам и субботам – спортивная гимнастика. На неё малыша отвёл отец. Здесь даже никто не спрашивал. Просто подвел ребёнка к тренеру и спросил, можно ли записать в секцию. Невысокий сухощавый тренер посмотрел оценивающе, и произнёс загадочную фразу: «Разве что для общего развития. Ваш малыш вырастет высоким и толстым». Отец, с его ростом в 165 сантиметров, громко рассмеялся и сказал, что такого не может быть. Про «толстого» малышу не понравилось, но высоким быть захотелось. Так и начались регулярные тренировки. Секция была небольшая, ребята весёлые, и малыш ходил на гимнастику с удовольствием. До школы малыша долго водили в бассейн – в секцию плавания. Запах хлорки вызывал устойчивую рвотную реакцию, особенно, когда вода попадала в нос. А тренер кричал, что малыш должен делать вдохи на дистанции. Малышу проще было проплыть от бортика до бортика, ни разу не вдохнув, потому что при выдохе в воду хлорка обязательно оказывалась в носу. Но тренер кричал, малыш съёживался, мир вновь становился расплывчатым. И малыш,

нормально державшийся на воде, так никогда и не научился выдыхать в воду. Потом бассейн закрыли. Запах хлорки остался в воспоминаниях.

На гимнастике пахло кожей и деревом. Задания были простыми, всё получалось легко. Правда, времени она занимала тоже немало – спортшкола располагалась немногим ближе музыкальной. А по вечерам всё равно нужно было играть на скрипке по часу-полтора. И уроки должны быть сделаны и идеально записаны в тетрадь. Исправлений отец не признавал – выди-рал лист и заставлял переписывать, иногда по несколько раз. Допоздна. Несмотря на то, что очень хотелось спать.

А сегодня мама ведёт на дополнительное занятие по специальности в музшколе. Скоро – отчётный концерт. Что это, малыш ещё не знал, но понимал, что он должен, в очередной раз должен быть лучшим. Иначе – недовольство отца, крик и ещё больше домашних занятий. Малыш старается. Занимается много. Старательно выводит смычком пока ещё простые мелодии. Преподавательница скрипки хвалит его, пророчит ему большое музыкальное будущее. Малышу нравится, когда его хвалят. Но очень хочется спать...

Я. Вечера

Большая неуютная комната на седьмом этаже общежития. Вообще-то, она рассчитана на троих, но я, как врач-интерн, приехавший по распределению за три с половиной тысячи километров от дома, живу в ней один. Непростой день подходит к концу. Днями я уже пол-года работаю в отделении выхаживания недоношенных детей. Обучение проходит успешно. Выхаживание родившихся раньше срока, порой с критически малым весом меньше килограмма – не самое простое ремесло, но мне интересно, и я постепенно привыкаю. Кроме того, меня хвалит заведующая, и это мне нравится. День расписан по минутам – обход, назначения, контроль, заполнение историй болезни, свежие поступления, попытки спасения безнадежных, общение с родственниками. Непросто, но я уже втянулся.

И только вечера не прибавляют мне покоя. Вечера, когда я один и ничем не занят. С первых дней жизни в общежитии время перехода от дня к ночи стало для меня проклятием. Весёлые студенты – медики сторонились чужака, да и я, занятый ежедневно допоздна и гордый своей новой миссией, не слишком стремился к общению. Много читал и учил. И, вроде бы, было чем заняться всегда. Но наваливался вечер. За окном темнело. Свет уличных фонарей всё ярче отсвечивал на потолке смутными хаотичными тенями. В углах скапливалась слепая безглазая темень, грозящая в любой момент выползти из всех углов сразу и заполнить всю комнату. Липкое, противное ощущение какого-то животного неосознаваемого страха появлялось за грудиной и, опускаясь ниже, холодным ужом ползало в районе солнечного сплетения, нагнетая внутреннее беспокойство и желание что-то сделать такое, чтобы всё стало хорошо. Свет электрической лампочки не исправлял ситуацию. Беспокойство нарастало вместе со ступающей темнотой за окнами. И не было от него спасения. Один. В комнате. Вечер. И никто не придёт и не успокоит. И, самое главное, я даже не понимал, что со мной происходит. Просто мне было мутно вечерами. Но я же взрослый, я справлюсь.

Решив победить страх, я пошёл на секцию модного тогда в тех местах у-шу. И спорт, и медитация одновременно. Это занимало вечера, но ситуацию не исправляло. Тогда я начал приглашать в гости студентов. Комната большая. Людей помещается много. Гитара, магнитофон, песни или долгие «философские» разговоры. Лишь бы не быть одному.

Когда мне объявили, что поделяют в комнату ещё одного интерна, я даже обрадовался. И, пусть мы особо не дружили, но просто наличие ещё кого-то в комнате успокаивало. Проблема разрешилась сама собой. Так казалось тогда.

Но потом, после интернатуры, начались ночные дежурства. Врачей-дежурентов не хватало, и я работал то ли на полторы, то ли на две ставки. Это там, в далёких Америках, ночные дежурства строго регламентированы – не чаще одного через три ночи. И всё равно врачи-реаниматологи не работают в отделениях интенсивной терапии более семи лет. А у нас... День-ночь-день отработал, ночь дома. День-ночь-день, ночь дома. Через несколько лет я уже ненавижу эти дежурства. И ничего бы, что устаёшь физически. Постоянный стресс палаты интенсивной терапии, где в любой момент может случиться самое плохое, увеличивал усталость в разы. И то, что это – дети. И не всегда удаётся справиться с неотвратимым. У каждого реаниматолога за спиной – своё кладбище. И своя ответственность. И вечера... Длинные, липкие от внутреннего беспокойства вечера.

Однажды старый доктор – бывший зав реанимацией, сказал мне: «Самое страшное – это ночи. Энергии не хватает, а надо. Самый быстрый источник энергии – алкоголь. Поэтому все пьют». Лукавил старый доктор. Не из-за быстрой энергии пьют врачи. Из-за выгорания. Физического и эмоционального. «Светить другим, сгорая самому!» И сгорали. Дотла. Когда мир уже не радует, Когда обесцениваются собственные достижения. Когда рушатся устои и распадаются семьи. Когда в душе на месте бывших светлых идеалов – чёрная дыра безденежья, неустроен-

ности и безысходности. В те времена пили все. На дежурствах нечасто и понемногу. Между дежурствами – по-разному. Пил и я. После рюмки-другой вечер становился нестрашным, проблемы хронического безденежья уходили на второй план, появлялась надежда на завтрашний день. Но надежда – вредное чувство. И кардинально ситуацию я изменить не мог.

И бросить бы всё – поменять профессию. Свить в тихое доходное болото. Мало ли в медицине мест, где ни ответственности, ни постоянного стресса, ни ночных дежурств. Да и не в медицине достаточно профессий с лучшими, чем у врача-реаниматолога, условиями существования жизни. Но куда же девать семь лет обучения? А Миссия куда? А клятва Гиппократова? Я же взрослый, я справлюсь. Ну вот расслаблюсь только дома. Да так, чтобы вечера не видеть. Отключиться до наступления темноты. И не бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.